

Уходя – не прощайся...

МАРИША КРАМЕР

ВРЕМЯ ЗЛЫХ ЧУДЕС

Annotation

Никто из сотрудников адвокатской фирмы не замечал, что с секретарем Ириной Яровой — и без того дамой довольно странной — происходит что-то необычное. Только бывшему старшему следователю прокуратуры Лене Крошиной показалось поведение женщины подозрительным. А вот была ли тому виной найденная на секретарском столе яркая визитка экстрасенса Белькевича или Ирина рассеянность и чрезмерная задумчивость, Лена сказать не могла. Но интуиция ее не обманула — однажды всегда обязательная Ирина не явилась на работу, а вскоре выяснилось, что она вообще исчезла, причем вместе со своей больной парализованной матерью...

Марина Крамер

Время злых чудес

© Крамер М., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Часть I. Адвокатура

После хорошего наступает плохое, после плохого снова приходит хорошее.

Японская пословица

Женщина рыдала так отчаянно, что смотреть на это без сочувствия оказалось невозможно. Ее худые плечи, обтянутые синей, слегка выцветшей кофточкой, вздрагивали, из-под больших очков безостановочно текли слезы, которые она даже не пыталась вытирать. Лена Крошина впервые видела, чтобы человек рыдал, сидя с прямой спиной и не закрывая руками лица. Она присела на край стола и спросила:

— Ирина Витальевна, что с вами?

— Все в порядке, Елена Денисовна, я сейчас принесу ваши документы, — бесцветным голосом, не переставая рыдать, проговорила женщина.

— Это не срочно. С вами точно все в порядке?

— Да, точно.

Женщина сняла очки и потянулась к ящику стола, откуда вынула пачку бумажных платков. Лена почувствовала свою неуместность и поспешила уйти в кабинет, где ее уже ждала клиентка.

Вот уже почти год бывший старший следователь Елена Денисовна Крошина трудилась адвокатом в фирме своей матери. Собственно, адвокатом она стала всего семь месяцев назад, а до этого занимала скромную должность помощника, вникая во все тонкости адвокатской профессии. Переключиться со следовательской работы на защиту обвиняемых было непросто — раньше Лена занималась тем, что складывала по кусочкам картину преступления и сводила воедино улики, доказывавшие виновность подозреваемых. Теперь же ее работа состояла в абсолютно противоположном — доказать невиновность клиента. К счастью, уголовными делами бюро Натальи Крошиной не занималось — все больше административными, а также участвовало в бракоразводных процессах и процессах по разделу имущества, и все это на первых порах давалось Лене довольно тяжело. Хитросплетения семейных неурядиц порой приводили ее в уныние — она не была склонна разбираться во всех этих тонкостях, да и факты чужой личной жизни вызывали у нее если не отвращение, то стойкую неприязнь, однако со временем она научилась относиться к этому просто как к служебной необходимости, и все сразу стало намного легче.

Бюро было довольно известным, клиентов всегда хватало, и пятеро адвокатов, работавших у Натальи Крошиной, всегда были загружены работой. Мать Лены и сама участвовала в процессах, будучи хорошим и успешным адвокатом, к которому часто обращались и высокопоставленные чиновники, и бизнесмены.

Лене пришлось буквально на ходу учиться всем премудростям, но упорство и усидчивость, а также аналитический склад ума и привычка докапываться до сути здесь весьма пригодились и сделали процесс хоть и трудоемким, но все-таки не сводящим с ума.

— Такие кипы узкоспециализированных книг я читала, кажется, только в университете, — жаловалась она старому приятелю Андрею Паровозникову, отношения с которым поддерживала до сих пор.

Капитан Паровозников, старший оперуполномоченный уголовного розыска, знал Лену давно, они много работали вместе и даже пытались завести роман, о чем теперь старались не вспоминать, чтобы не делать друг другу больно. И если у Андрея личная жизнь со временем сложилась, то Лена до сих пор была одна. Окончившийся разрывом роман с фотографом Никитой Кольцовым убедил ее в том, что больше повторять этих ошибок она не хочет.

Воспоминания о Никите до сих пор причиняли страдания, хотя Лена изо всех сил старалась о нем не думать. Но даже в довольно большом по современным меркам городе то и дело возникали ситуации, в которых не вспоминать было невозможно. Кольцов устраивал выставки, о которых сообщали в новостях, снимал какие-то презентации, заезжих знаменитостей, устраивал в парке фотовыставки работ своих учеников, и Лена, ходившая через этот парк домой, вынуждена была пробегать мимо огромных стендов, где в подписях к снимкам мелькала фамилия Кольцова.

Она не жалела об их разрыве, понимая, что у этих отношений не было никакого будущего, но пережить его до конца пока так и не смогла. На встречи же с кем-то другим просто не оставалось сил и времени — она постоянно работала или читала специальную литературу, чтобы наверстать то, чего не знала. В повседневной суете Лена не замечала своего одиночества, но зато очень остро чувствовала его в праздники и в выходные, когда оставалась один на один с собственными мыслями. «Надо хоть кота завести. Или собаку», — часто думала она, но тут же одергивала себя — на животное совершенно не оставалось свободного времени, кроме выходных, и подвергать ни в чем не повинное существо пытке одиночеством казалось Лене жестокостью.

Расположившись за столом в своем кабинете, появившемся у нее сравнительно недавно, Лена потянула к себе папку с очередным делом, которым занималась. Ее работа почти не отличалась от той, что она делала раньше в прокуратуре. Почти — с существенной оговоркой. Теперь она должна была найти не доказательства вины, а наоборот — оправдывающие ее клиента факты. Папка, лежавшая сейчас перед ней, не содержала ничего особенного — раздел имущества между разведенными супругами. Такие дела Лена не любила, но выбора ей никто, конечно, не предоставлял. В кабинет постучали, и на пороге почти неслышно появилась Ирина Витальевна:

— Елена Денисовна, вот справки, которые вы заказывали.

Она положила на стол два листа и повернулась, чтобы выйти.

— Ирина Витальевна, с вами точно все в порядке? — бросив беглый взгляд на листки, спросила Лена вдогонку.

Секретарь обернулась:

— Да.

— Точно?

— Точно.

— Тогда почему вы принесли какие-то выписки из домовой книги с неизвестной мне фамилией?

Ирина Витальевна пару секунд молчала, растерянно приоткрыв рот, а потом, быстро взяв со стола справки и поднеся их к глазам, пробормотала:

— Извините, Елена Денисовна, я взяла их из другой стопки. Сейчас принесу ваши, извините еще раз.

Она стремительно покинула кабинет, а Лена, проводив ее взглядом, снова подумала о том, что с Ириной что-то не то. Очень педантичная, никогда не опаздывающая и знающая наизусть номера, кажется, всех дел в бюро, Ирина Витальевна просто не могла взять документы не из той стопки. У нее каждая бумажка знала свое место, каждый карандаш, каждая скрепка. Когда Лена только пришла работать в бюро, она довольно много времени провела в приемной, где царила Ирина — мать предупредила, что отдельное рабочее место нужно заслужить, как это делали все. И столик Лены приткнули к окну в приемной.

За месяцы стажировки Крошина успела кое-что узнать о жизни секретаря матери, хотя Ирина Витальевна не была склонна к разговорам о личной жизни в стенах учреждения, где работала. Но Лена не зря столько лет проработала следователем, она умела делать выводы из мелочей, а Ирина Витальевна представлялась ей довольно интересным человеком, о котором хотелось узнать побольше. Собственно, таким человеком Ирина Витальевна и оказалась, хотя многие вещи показались Лене весьма странными.

Высшее биологическое образование удивительным образом уживалось в Ирине Витальевне с потрясающим, даже дремучим каким-то мракобесием. Знания по анатомии, физиологии и биохимии причудливо соседствовали с теориями о чувствах растений, об энергетических вампирах, коих, по глубочайшему убеждению Ирины, среди людей девяносто процентов, и потому остальные десять вынуждены жить в состоянии жесточайшего прессинга и постоянной обороны. По этому поводу Лена однажды выслушала целую лекцию, и это был, пожалуй, самый длинный монолог, который она вообще слышала в исполнении Ирины.

Работала же Ирина секретарем в адвокатском бюро исключительно для того, чтобы ни за что особенно не отвечать, и на это имелась очень веская причина — на попечении у нее находилась больная мать, которая вот уже много лет не выходила из квартиры. Сделав необходимую работу, Ирина подхватывала сумку на колесах, какие обычно используют для походов по магазинам пенсионерки, и отправлялась в ближайший супермаркет одной из дешевых сетей, чтобы купить продуктов на пару дней — больше она просто не в состоянии была унести.

Самой главной Ириной страстью в последнее время стали съемки для видеоблога и публикация роликов в Интернете на собственном канале. К удивлению сотрудников бюро, у нее нашлось немало почитателей — ее блог смотрели, комментировали, и Ирина начала даже немного зарабатывать публикациями отзывов на те или иные продукты, приобретенные в определенных торговых точках. Деньги в ее ситуации лишними никак не были, а потому она ухватилась за эту возможность — ведь всего-то и надо, что поехать в магазин, купить продукты, высказать на камеру краткое о них мнение, смонтировать ролик и выложить его в Сеть. Об этом Ирина тоже рассказала сама, когда в обеденный перерыв речь зашла о том, кто что смотрит в свободное время. Лена удивилась, но название канала записала и в тот же вечер просмотрела несколько роликов.

Как ни странно, они создавали атмосферу умиротворенности, успокаивали и возвращали равновесие. Наверное, причиной тому был голос Ирины — мягкий, с едва слышным латышским акцентом, словно обволакивающий коконом. Его хотелось слушать и слушать, и смысл речи был вообще неважен — Ирина рассказывала о консервированной сайре, о зеленом горошке, о губках для мытья посуды, а Лене казалось, что она погружается в ласковые волны теплого моря и плывет, испытывая огромное удовольствие. Иногда в этих роликах проскальзывали и рассуждения о вампирах и пользе перекиси водорода, но Лена не

относилась к этому серьезно, хотя и не понимала, почему умный, образованный человек искренне верит в подобное.

Ирине Витальевне она рассказала о своих ощущениях, и та, вежливо поблагодарив, сказала, что над голосом она работала в юности, когда хотела стать актрисой.

— Как же вы на биофак поступили? — удивилась Лена.

Ирина легко пожала плечами:

— Не всегда в жизни получается делать то, что хочется. Иногда нужно делать то, что целесообразнее. Я много лет преподавала биологию в университете, а потом вынуждена была уволиться — мама заболела.

— И вам нравилась биология?

— Мне нравилось общаться со студентами. А потом я оказалась заперта в четырех стенах с мамой. И вот этот канал — возможность хотя бы в одностороннем порядке с кем-то говорить.

— А как же бюро?

— Это тоже вынужденная мера — я ведь должна зарабатывать деньги.

Лене очень хотелось спросить, почему Ирина не вышла замуж, но подобное любопытство казалось неуместным и неделикатным, и она сдержалась. Однако Ирина примерно через пару недель сама заговорила на эту тему. Был один из тех редких дней, когда она задержалась в бюро, не успев сделать всю работу, и Лена вызвалась помочь. В процессе разговор как-то сам вышел на тему замужества, и Ирина сказала:

— А я собиралась замуж, и жених у меня был.

— Не сложилось? — сочувственно спросила Лена.

— Я выбрала маму, — коротко ответила Ирина, защелкивая уплотнитель в папке. — Иногда приходится делать выбор не в свою пользу.

Лена не стала расспрашивать, но в уме быстро прикинула: мать Ирины болеет около пяти лет — это по ее собственным словам, а замуж Ирина собиралась явно в юности, сейчас ей около пятидесяти. Значит, дело не в болезни.

«Похоже, мама там тот еще диктатор», — подумала Крошина, аккуратно вкладывая очередной файл в папку.

Больше на эту тему они не разговаривали, но Лена, даже не отдавая себе отчета, зачем это делает, всегда внимательно слушала то, о чем говорит Ирина. Ролики ее Лена продолжала смотреть, став настоящей их поклонницей.

Сегодняшняя Ирина рассеянность и ее утренние слезы наводили Лену на мысль, что в жизни секретаря произошло нечто такое, что выбило ее из привычной колеи и заставило нервничать. Обычно спокойная, уравновешенная и даже чуть вялая, Ирина никогда не позволяла себе таких бурных проявлений, как слезы на рабочем месте. Лена очень хотела помочь, но для этого нужно было как минимум знать причину. И быть уверенной в том, что Ирина помощь примет.

Уже уходя вечером домой, Лена зашла в приемную, чтобы положить на стол секретаря папку с делом. Ирины не было — она уходила домой раньше, а оставленные на столе папки разбирала утром. Лена положила дело на край стола и вдруг увидела торчавшую из стакана с карандашами визитку. Вроде бы ничего удивительного — у секретаря адвокатского бюро таких визиток полный стол, но эта была яркая, в радужных тонах, и явно не имела отношения к делам бюро. Лена осторожно вытянула ее и увидела золотую надпись «Воланд Белькевич, экстрасенс, привороты, беседы с умершими, коды на бизнес». Внизу номера

телефонов — все как обычно. Но имя и род занятий Лену заинтересовали. Она быстро достала телефон и сделала снимок, после чего вернула визитку обратно в стакан, постаравшись разместить ее так, как она торчала до этого.

«Интересно, зачем Ирине телефон экстрасенса? — думала она, выходя из бюро на улицу. — Хотя... она верит во всю эту потустороннюю чушь, могла заинтересоваться».

Странное имя экстрасенса накрепко засело в голове. Лена понимала, что вряд ли господина Белькевича на самом деле зовут Воландом, но отдавала должное его фантазии и рекламной смекалке — такое имечко не сразу забудешь, даже она то и дело возвращается к странному, но звучному сочетанию.

«Но что все-таки привлекло Ирину? Ведь зачем-то она оставила эту визитку, обычно, насколько я успела заметить, то, что ей не нужно, сразу летит в корзину для мусора — она так и говорит, мол, нечего засорять пространство тем, что тебе не пригодится, будь то вещи или мысли».

Со следующего дня Лена стала наблюдать за Ириной и к концу недели убедилась в том, что с секретарем творится что-то неладное. Ирина путала документы, невпопад отвечала по телефону или вовсе не слышала звонка, то и дело замирала за своим столом, уставившись невидящим взглядом в одну точку, потеряла письмо, которое Наталья Ивановна Крошина ждала из коллегии адвокатов, а количество разбитых ею за неделю чашек превысило допустимые пределы. В конце концов Наталья Ивановна вызвала Ирину к себе в кабинет и довольно жестко отчитала, предупредив, что на это место легко найдет кого-то более молодого и расторопного. Ирина в слезах выбежала из кабинета начальницы, схватила сумку и старомодный серый плащ и, едва не сбив с ног Лену, покинула здание.

— Что случилось? — спросила Лена у матери, войдя к ней в кабинет, но Наталья Ивановна никогда не обсуждала с ней происходящее в бюро.

— К тебе это не имеет никакого отношения. Ты по какому вопросу?

Лена подавила вздох и принялась рассказывать о сложностях, возникших в деле, которым занималась.

То, что мать держится от нее на расстоянии, с одной стороны, Лену радовало — не приходилось рассказывать что-то о себе, говорить на личные темы, но с другой — эта отчужденность обижала: все-таки мать, могла бы и проявить хоть немного родительского тепла, просто поинтересоваться, тяжело ли ей работать, например. Но мать была холодна и неприступна, и Лена перестала надеяться на чудо. В конце концов она сама приложила руку к тому, что происходило между ними теперь — могла бы и отказаться от дела, в котором, пусть и косвенно, фигурировал отец, но не отказалась ведь. Отец покончил с собой, а мать, хоть и сказала сперва, что не винит Лену в его смерти, все-таки не смогла преодолеть обиду на дочь. Ну, хоть работу дала, уже хорошо...

Ирина не вернулась в бюро, позвонила Наталье Ивановне и попросила неделю отпуска за свой счет, о чем начальница и предупредила своих подчиненных на утренней летучке:

— Придется вам самим справляться со всей бумажной работой. Елена Денисовна, как наименее загруженная, возьмет на себя функции секретаря, — даже не взглянув на дочь, сообщила она. — Остальные стараются максимально помочь ей и не нагружать лишними заданиями. Думаю, что неделю без секретаря мы как-нибудь продержимся, а дальше будет видно.

— А что Ирина Витальевна? — спросила вертлявая, вся в кудряшках, как болонка, Настя

Молокова.

— Анастасия Сергеевна, я не уполномочена обсуждать с вами обстоятельства, которые заставили Ирину Витальевну попросить отпуск, — ледяным тоном произнесла Наталья Ивановна. — Если есть желание — позвоните ей после работы и спросите о планах на дальнейшее будущее. А сейчас, если не возражаете, всем неплохо бы разойтись по местам и заняться делами.

«Ну, понятное дело, моего мнения о новых обязанностях спросить не удосужились, — разозлившись, подумала Лена, занимая место за столом секретаря в приемной. — Конечно, чего церемониться с родной-то дочерью! И совершенно неважно, что у меня сегодня в три часа заседание суда. Ну, в таком случае свой традиционный чай в четыре сама себе делать будешь!»

Последнее относилось к матери лично, но вслух, конечно же, произнесено не было. Наталья Ивановна же царственной походкой прошла мимо дочери и захлопнула за собой двери кабинета, однако через пару минут зажужжал интерком:

— Принеси мне выписку по делу Карева.

«Хорошо бы еще знать, что это за дело и какая выписка», — успела подумать Лена, лихорадочно роясь в стопке бумаг на правой стороне стола. Увидев наконец на одной из них искомую фамилию, она с облегчением выдохнула и направилась в кабинет.

— Спасибо, положи на стол, — не отрываясь от чтения какой-то бумаги, произнесла мать.

— Могла бы предупредить, что сажаешь в приемную, — не сдержалась Лена. — У меня заседание в три.

— Ничего, успеешь. Если не смогла ничего придумать до сегодняшнего дня, то пара часов точно ничего уже не изменят.

— Зачем ты так со мной?

— Как? — по-прежнему не отрываясь от чтения, спросила Наталья Ивановна.

— Ты ведешь себя со мной как со стажером, пришедшим после университета. Я вообще-то в прокуратуре больше десяти лет отработала.

— Ну, здесь тебе не прокуратура, и погоня твои никого не впечатляют. Адвокатура — совершенно иное дело, требующее абсолютно другого подхода.

— И что — я где-то ошиблась, сделала что-то не так?

— Пока нет.

— А, то есть — ты превентивно меня унижаешь? Для науки и на будущее?

— Во-первых, смени тон, — ледяным голосом посоветовала Наталья Ивановна. — Во-вторых, я сразу предупреждала, что никаких поблажек и ссылок на родственные связи тебе здесь не будет. В-третьих, я не могу посадить в приемную адвокатов, ведущих по пять-восемь дел, а у тебя их сейчас всего три, так что все справедливо, не находишь?

— Ты могла хотя бы позвонить мне вчера, ведь Ирина Витальевна наверняка с тобой говорила не с утра, это просто не в ее привычках.

— Это что-то изменило бы?

— Я бы просмотрела материалы по процессу вечером, а не надеялась на то, что у меня есть еще время до обеда!

— В другой раз будешь планировать все заранее, а не откладывать на утро, — невозмутимо отозвалась мать. — Если у тебя все, то, будь добра, свари мне кофе.

Лена почувствовала, как вспыхнули щеки — никогда прежде Наталья Ивановна не

позволяла себе в общении с дочерью подобного пренебрежительного тона, такой нарочитой холодности и равнодушия.

«Чем я это заслужила? Тем, что старалась до конца выполнить свой долг и не отказалась от расследования? Но ведь они сами меня этому учили — она и отец!»

Борясь с кофемашиной, Лена в отчаянии думала о том, что прошлое, как ни старайся от него сбежать, все равно ухитрится догнать и цапнуть побольнее в самый неподходящий момент. Злополучное дело об убийстве и самоубийстве, в ходе расследования которого всплыли нелюбезные подробности о прошлом ее отца, мешало ей восстановить отношения с матерью. Иногда Лене казалось, что она совершила огромную ошибку, придя работать в адвокатское бюро Натальи Ивановны, и нужно было поискать другое место. Но в душе она понимала, что на этот шаг ее толкнуло как раз желание вернуть все, что было до самоубийства отца. И пусть мать порой ведет себя невыносимо, Лена все равно любит ее и хочет быть рядом. Наверное, Наталье Ивановне просто нужно больше времени, чтобы это понять.

Неделя выдалась совершенно суматошная, Лена заменяла секретаря, совмещая это еще и с работой по двум оставшимся у нее делам — новых ей, к счастью, мать не дала. Домой приходила поздно, так как не успевала сделать все, что требовалось, до конца рабочего дня, и потому вынуждена была засиживаться в бюро почти до ночи. Сил не оставалось ни на приготовление ужина, ни на книги — Лена с трудом дотаскивала себя до душа и валилась на кровать, почти мгновенно засыпая. Но и сон не приносил облегчения и не давал отдыха — почему-то постоянно мучили кошмары, от которых она по нескольку раз за ночь вскакивала в постели и, нажав дрожащей рукой кнопку бра над головой, долго сидела, обхватив колени руками и глядя перед собой, и слушала, как бешено колотится сердце.

«Я так с ума сойду, — с тоской думала Лена по утрам, глядя на себя в зеркало. — А что — взгляд уже вполне безумный, под глазами круги, да и вообще вид какой-то болезненный». В такие моменты ей в голову приходила мысль о том, что ее одиночество сейчас как нельзя кстати — ну, какой мужчина захочет каждое утро просыпаться рядом с такой красавицей? Да и дома она теперь практически не бывает, а если Ирина Витальевна не выйдет из своего отпуска, то Ленина ссылка в приемную явно затянется до тех пор, пока мать не найдет нового секретаря, а это будет долгий процесс. Наталья Ивановна весьма придирчиво подходила к подбору сотрудников, предъявляя очень длинный список требований к соискателям.

Но в понедельник Ирина Витальевна пришла. Лена, с облегчением выдохнув, принялась вводить ее в курс того, что произошло за неделю, однако вдруг заметила на лице секретаря равнодушное выражение. Ирина вроде бы слушала, кивала, но было видно, что мыслями она не здесь.

— С вами все в порядке? — спросила Лена осторожно.

— Да, спасибо, все хорошо, — ровным тоном отозвалась Ирина, перекладывая папки со стола на подоконник.

Лена еще раз внимательно взглянула ей в лицо, но выражение глаз за большими очками не изменилось, так и осталось равнодушным.

«Очень странно, — подумала Крошина, направляясь в свой кабинет. — Она не выглядит отдохнувшей, скорее наоборот, еще более измученной. Ее что-то гложет. Но как узнать что?»

До конца рабочего дня Лена так и не сумела сделать еще одну попытку поговорить с

секретарем, внезапно мать собственноручно принесла ей две папки с новыми делами, и Лене пришлось вникать в подробности и созваниваться с клиентами, назначать им встречи и планировать завтрашний день почти по минутам. Когда же она собралась наконец перед уходом домой зайти в приемную, оказалось, что Ирина Витальевна уже ушла. Визитки экстрасенса в стакане с карандашами не было, хотя Лена помнила, что всю проведенную в приемной неделю не прикасалась к ней.

«Может, выбросила? Хотя... что я прицепилась к этой визитке? Не факт ведь, что Ирина воспользовалась контактами этого Воланда. Ну, объективно — зачем ей? Код на бизнес поставить? С умершим родственником по душам побеседовать? Она странная, конечно, но вменяемая ведь, мыло не ест вроде. К чему ей экстрасенс? Мать ее болеет неизлечимо, и тут бессильны любые экстрасенсы, должна ведь она это понимать. Может быть, ее проблемы вовсе никак не связаны с этой злополучной визиткой?»

С этими мыслями Крошина и направилась домой. Вечер был теплым, безветренным, захотелось пройтись по улице, а не оказываться сперва в трамвае, а потом сразу в четырех стенах квартиры. Лена почти машинально свернула на бульвар и медленно пошла вниз по склону, смешавшись с гуляющей толпой. Она любила это время года, когда все оживает в предчувствии скорого тепла, когда воздух пахнет по-особому, а на голых ветках появляются первые почки. Город уже привели в порядок после зимы, на клумбах чернела свежая земля, подготовленная к посадке цветов, газоны были чисто выметены, и на них уже проклевывается первая трава. И настроение в это время года у Лены всегда бывало хорошим, пусть даже случались какие-то неприятности.

— Да в конце концов! — вдруг услышала она справа от себя раздраженный мужской голос: — Неужели это так трудно — встать туда, куда я попросил?

Лена повернула голову и буквально вросла в асфальтовую дорожку. На газоне справа шла фотосессия — две девушки и парень в ярких нарядах пытались принять какую-то причудливую позу, а напротив них, расставив ноги и скрестив руки на груди, стоял Никита Кольцов в окружении ассистента, гримера и какой-то женщины лет пятидесяти в ярко-голубом брючном костюме. На шее его висел фотоаппарат, ассистент протягивал ему другой, но Кольцов словно не замечал этого, зло уставившись на модели, так и не сумевших принять нужную фотографу позу.

Сердце Лены глухо бухнуло и забилось часто-часто, так, что стало тяжело дышать. Она поняла, что выглядит глупо, стоя вот так посреди бульвара, и нужно срочно брать себя в руки и уходить, пока Кольцов не обернулся и не увидел ее.

«Почему я так волнуюсь? — думала она, поспешно удаляясь от места фотосъемки. — Неужели до сих пор не забыла и не поняла, что все, конец, ничего не будет? Ведь я сама его выгнала, сама! Я же не влюбленная пятнадцатилетняя школьница, я прекрасно понимаю, что мы никогда не сможем быть вместе, уж очень мы разные. Но... черт, почему я думаю о нем? Зачем я все время возвращаюсь к нему мыслями? Ведь ничего никогда не будет...»

— Осторожнее, мадам! — услышала она, влетев плечом в кого-то высокого, остановившегося перед ней.

— Простите, пожалуйста, — пробормотала Лена и, подняв голову, увидела прямо перед собой Павла Голицына. — Ой... — смутившись, проговорила она. — Павел... простите, не помню отчества.

— Обойдемся, — рассмеялся Голицын, осторожно беря руку Лены в свои. — Елена Денисовна, вы совершенно не изменились. Сколько мы не виделись? Года два?

— Да, около того...

Писатель Павел Голицын был женихом погибшей Жанны Стрелковой, дело которой расследовала Лена. В этом деле она нашла следы причастности своего отца к старым преступлениям отца Жанны. Определенно, это дело никак не желало «сдаваться в архив» и периодически напоминало Лене о себе вот такими встречами, например.

— Прогуливаетесь? — поинтересовался Павел, глядя на Лену сверху вниз.

— Да, шла с работы. Вечер теплый, решила вот...

— Не возражаете, если я составлю компанию?

— А вы тут за вдохновением?

— Ну, почти. Всякий раз, сдав роман редактору, испытываю желание погулять и сбросить напряжение, — признался Голицын. — А помните, как мы с вами в кино ходили?

Это Лена помнила. Как помнила зачем-то и весьма неприятный рассказ Никиты о том, как именно сумел выбиться Павел Голицын. Это почему-то сейчас казалось простым наговором и завистью к более успешному, чем он сам, человеку.

— Держу пари, вы тоже не просто так гулять отправились, — заметил вдруг Павел. — Новое дело?

— Да я вообще-то в прокуратуре больше не работаю, — призналась Лена.

— Ого... внезапно. Мне казалось, вы там абсолютно на своем месте.

— Видимо, нет, раз так легко уволилась. Я же, Павел Владимирович, вообще на другую сторону, если так можно выразиться, переметнулась, — неожиданно вспомнив его отчество, сказала она.

— Это что же — раньше обвиняли, теперь защищаете?

— Ну, я не обвиняла, я доказывала причастность и вину, обвинение прокурор выдвигает. Но вы правы — теперь я защищаю. К счастью, уголовными делами наше бюро не занимается, все больше семейными и разной бытовухой — разделами имущества, наследственными делами, вот этим всем, в общем.

— Да, странный виток карьеры. И что же вас подтолкнуло?

И Лена вдруг задумалась впервые за все то время, что провела в бюро, — а что в самом деле послужило ей отправной точкой? В какой момент она решила, что больше не может и не хочет работать на следствии? Что произошло? Лена никогда не задавала себе этого вопроса с того самого дня, когда положила на стол начальника рапорт об увольнении. И вот сейчас Павел застал ее врасплох и заставил задуматься.

— Вижу, это разговор не для улицы, — понял ее молчание по-своему Голицын. — Не возражаете, если мы в кондитерскую зайдём? Помните, мы как-то там были?

— У нас, похоже, намечается вечер воспоминаний, — улыбнулась Лена, отогнав невеселые мысли. — Вы уже в который раз произносите фразу «А помните?», что дает мне право думать о том, что вы как раз зачем-то это действительно помните.

Голицын расхохотался, чуть откинув назад крупную голову со светлыми, чуть вьющимися волосами, и Крошина в который раз с удивлением отметила, как сильно писатель похож на Андрея Паровозникова — тот же тип внешности, тот же высокий рост и широкие плечи, тот же облик скандинавского викинга.

«Похоже, на самом деле мне нравится именно такой типаж, а вовсе не желчные интеллектуалы с бородой», — вдруг весело подумала Лена. На душе стало неожиданно легко, словно Павел своим невинным предложением пойти в кондитерскую разогнал все ее печали.

— А идемте, — согласно кивнула она. — Только давайте перестанем «выкать» друг

другу, хорошо?

— Идет, — весело согласился Голицын. — Мы ж вроде как старые знакомые, можем себе позволить.

Он предложил ей опереться на свой локоть и повел ее в боковую аллею, пройдя по которой они очутились возле входа в кондитерскую. Лена помнила, что здесь варят великолепный кофе и подают вишневый штрудель с мороженым, но с того самого вечера, проведенного в кондитерской с Павлом, она так ни разу больше сюда и не зашла.

Крошина не поняла, изменилось ли что-то в интерьере, так как просто не помнила, каким он был, но ощущение счастья, покоя и уюта, испытанное тогда, вспомнила почти сразу, едва опустилась в глубокое кресло за столиком у стены, на которой был укреплен светильник в виде канделябра со свечами.

Павел сел напротив и с любопытством посмотрел на Лену:

— У вас выражение лица изменилось.

— Мы договорились — не «выкаты», — напомнила она.

— Хорошо, пусть. Но лицо-то...

— Мне просто нравится здесь, — пожала плечами Лена. — И запахи... я не верила, но, оказывается, запахи действительно могут будить воспоминания.

— Да? Не замечал. Наверное, мужчины на это меньше реагируют. И что же, если не секрет, тебе напомнили здешние ароматы?

Лена рассмеялась, с удивлением чувствуя, что совершенно не испытывает неловкости или неудобства в общении с Голицыным — как будто они на самом деле сто лет дружат.

— Я в прошлый раз поразилась, как запах кофе и выпечки настраивает на задушевные беседы и словно бы отгоняет неприятности. Просто как шаманский бубен — злых духов.

Голицын с удивлением посмотрел на нее:

— Никогда бы не подумал, что юрист способен на такое образное мышление.

— А что, юристы — не люди?

— Да я не об этом... ты мне показалась довольно приземленной, какой-то... основательной, что ли, без вот этих романтических всплесков. Прости, я не спросил — ты все еще встречаешься с Кольцовым?

Лена напряглась:

— Это что-то меняет?

— Да, в общем-то, нет, — пожал плечами Павел. — Мы по-приятельски попьем кофе, что в этом такого?

— Мы расстались, — ровным тоном сказала Лена.

— Я мог бы кое-что сказать тебе об этом, но, наверное, не стоит. Не хочу выглядеть сплетником.

— Тогда молчи.

— И вообще — зря я об этом заговорил. Хочешь, расскажу тебе о своем новом романе? — предложил Павел, испытывая неловкость от неудачно начатого разговора.

— Хочу. Кстати, я в отпуске прочла парочку.

— Да? — оживился он, довольный тем, что Лена не обиделась. — И как?

— Я не фанатка детективного жанра, но пишешь ты неплохо. Во всяком случае, желания закрыть книгу не возникает, наоборот, хочется узнать, чем же все закончилось.

Голицын картинно утер со лба воображаемый пот:

— Ну, слава богу! Я мог не пережить непризнания моего писательского дара.

Они рассмеялись, чуть наклонившись к столу, и Лена проговорила сквозь смех:

— Даже странно, почему мое мнение так много для тебя значит.

— Всегда приятно нравиться умной женщине.

Она почувствовала, как кровь прилила к щекам — ей давно никто не делал комплиментов, да и вообще вот так, вдвоем с мужчиной, который не связан с нею деловыми отношениями, она давно не сидела в кафе. Оказывается, это весьма приятное ощущение — вот так запросто болтать о книгах, пить кофе и наслаждаться вкуснейшим штруделем. Голицын искренне интересовался тем, какую литературу Лена предпочитает, с удивлением узнал, что она не умеет загружать книги в читалку, а потому читает их в Интернете, что поэзию Серебряного века Лена не очень уважает, зато прекрасно относится к так называемым сетевым поэтам и многие стихи знает наизусть.

— А я почему-то всегда напрягаюсь от этих современных а-ля Ахматовых и псевдо-Цветаевых, — признался он, помешивая ложечкой остывающий кофе.

— Почему же?

— Не знаю. Мне кажется, в поэзии все великое уже было сказано.

— А в прозе, по твоей теории, тогда никому вообще делать нечего — после Толстого и Достоевского?

Голицын улыбнулся:

— Если ты обо мне, так я к себе весьма критичен. Я пишу книги, призванные развлечь, понимаешь? Это как цирк — и зрелище, и расслабился. Мне не очень нравится теория о том, что книги непременно должны образовывать, учить, поучать. Я в это не верю. Хотя, если разобраться, любая книга способна что-то оставить в душе, даже самая, казалось бы, непритязательная. В конечном итоге детектив — это ведь про победу добра над злом, так? Ну, следовательно, тоже есть какая-то польза наряду с приятно проведенным за чтением временем. Кстати, о стихах — не считаешь что-то из любимого, а?

— Здесь? — удивилась Лена, чуть смутившись.

— А что? Как по мне — вполне подходящая атмосфера. Свечки, полумрак, кофе...

— Если честно, для меня стихи — вещь интимная, даже не знаю, как объяснить. Но для тебя, так и быть, сделаю исключение. — Лена оперлась подбородком на скрещенные кисти поставленных на стол рук и на секунду задумалась, выбирая, что именно прочесть. — Да, вот:

У тишины свои сомнения —

Не слушай их,

И никогда не верь в забвение

В руках моих.

Не обещай, что не успеется,

Не надо лжи,

Будь искренним — во что не верится?

И мне скажи.

Моя безумная истома ты —

Не откажусь.

Когда я выхожу из комнаты,

Знай — я вернусь.

Пусть это будет нашей осенью,

Но не зимой.
Я часто слышу голос с проседью
Любимый твой^[1].

Она умолкла и посмотрела на Голицына. Тот задумчиво изучал что-то на стене у Лены за спиной, но, почувствовав ее взгляд, встрепенулся:

— Да, вполне... интересная, кстати, метафора про голос с проседью, оригинальная.

— Ну вот — а ты про псевдо — и а-ля, — улыбнулась Лена.

— Согласись, это дело вкуса, — так и не отступил от своих принципов Павел.

Разговор плавно перешел на книжные пристрастия самого Голицына, и за болтовней Лена даже не заметила, что время близится к полуночи. Когда же подошедший официант извинился и сообщил, что через полчаса заведение закрывается, она даже не сразу поняла, в чем дело.

— Они только до двенадцати работают, — объяснил Голицын, вкладывая в папку со счетом кредитку.

— Это мы так засиделись?! — поразилась Крошина. — Однако...

— Дома потеряют?

— Меня? Нет. А тебя?

— И меня тоже ругать некому, — развел руками Павел. — А это значит... — Он многозначительно посмотрел на Лену. — А это значит, что мы... можем еще погулять, верно? Потом я тебя провожу и вернусь в свою берлогу наслаждаться честно заработанным отпуском длиной в пару недель.

— Что ж так мало?

— Надо работать. А за пару недель я как раз успею вытряхнуть из головы остатки сданного романа и с чистыми мыслями подойти к написанию следующего.

— Это такой способ переключиться?

— Да, чаще всего так и делаю. Если бывают желание и возможность, то еще и уезжаю куда-нибудь. Ну что — пойдем? — забирая у официанта кредитку и поднимаясь из кресла, предложил Голицын.

— Ну, выбор у нас невелик. Хотя, если честно, я бы тут осталась, — призналась Лена, тоже вставая.

На город уже опустилась теплая весенняя ночь, машин стало заметно меньше, а воздух очистился. Они с Павлом медленно шли по освещенному бульвару, и Лена думала, что все ее прогулки с мужчинами почему-то проходят именно здесь, как будто в городе мало других мест. Но нет — почему-то тянет именно сюда.

— А здесь уютно и как-то спокойно, — вдруг сказал Павел, и Лена удивленно подняла на него глаза:

— Ты тоже заметил?

— Я люблю это место, часто сюда приезжаю и брожу тут по аллеям. Иной раз вслух могу новую главу рассказать, если крепко задумаюсь.

Это был какой-то совершенно удивительный вечер, каких в Лениной жизни не случалось довольно давно. Павел проводил ее до подъезда, галантно поцеловал руку и, уже собираясь уходить, сказал:

— Не удивляйся, что я не прошу номер телефона. Он у меня, если помнишь, есть, и я им

непрерывно теперь воспользуюсь.

Он так поспешно соскочил с крыльца и направился к выходу из двора, что Лене стало смешно — будто боялся, что она остановит и запретит звонить. На самом же деле ей очень хотелось, чтобы Голицын позвонил, и она даже себе не могла объяснить, почему так.

И он действительно позвонил — ровно в час ночи, когда Лена уже клевала носом, устраиваясь удобнее в постели.

— Извини, что поздно, — проговорил Павел в трубку. — Просто хотел пожелать тебе спокойной ночи.

Лена заулыбалась, но ответить не успела — разговор прервался, и она поняла, что это Павел положил трубку. Засыпала Крошина в эту ночь со счастливой улыбкой на губах.

Едва войдя в здание, где размещалось бюро, Лена почему-то почувствовала тревогу. С каждым шагом она только крепла, и за ручку приемной Лена взялась, охваченная паникой. Собственно, так и было — мать стояла посреди приемной, уперев руки в бока, и гневно смотрела на стоящую перед ней Настю Молокову:

— То есть как мне это понимать?!

— Ну, не отвечает у нее мобильный, что я могу сделать? — испуганно оправдывалась Настя, нервно сжимая в руке телефон.

— И что теперь прикажешь мне делать? Сейф заперт, ключа нет!

— Что-то случилось? — вмешалась Лена, и Наталья Ивановна переключила внимание на так не вовремя вошедшую дочь:

— Прекрасно! Замечательно! Именно этот вопрос следовало задать, войдя в приемную! Молодец!

— А если успокоиться и попробовать объяснить? — игнорируя ее сарказм, предложила Лена.

— Ирина Витальевна не явилась, ключи от сейфа у нее, телефон молчит, а в бюро никто не может предложить ничего умного! — метнув в Настю уничтожающий взгляд, чуть более спокойно объяснила Наталья Ивановна.

— Ну, так я могу съездить к ней и взять ключи.

— Что, машину починила?

— Нет, но я могу взять такси.

— Хорошо. Тогда поезжай сейчас и постарайся не засиживаться, мне нужна печать, а она в сейфе.

Лена быстро вышла из приемной, но тут же вернулась, вспомнив, что не взяла адрес Ирины Витальевны. Настя сидела за столом секретаря, всем видом демонстрируя недовольство, Наталья Ивановна уже ушла к себе, и Лена, вытянув с полки папку с личными делами сотрудников, быстро выписала на листок адрес.

— Все, я побежала, — сказала она Насте. — Не забудь — в десять она пьет кофе, со сливками и без сахара.

— Спасибо, — кивнула Настя. — Ты только не задерживайся сильно, а то шефиня меня тут сожрет — я ж даже не знаю, где что искать.

— Главное, с кофе не напортачь, а я постараюсь как можно скорее.

Такси она поймала довольно быстро, но ехать пришлось на окраину города, что, конечно, заняло довольно много времени. «Что же могло случиться? — думала Лена всю

дорогу. — Совершенно не свойственно Ирине Витальевне не предупредить о том, что не придет, а особенно зная, что у нее единственный ключ от сейфа. Мама, конечно, тоже хороша — как можно потерять ключ и не сделать дубликат?»

Оказавшись перед довольно обшарпанной пятиэтажкой, Лена полезла в сумку за листком с адресом — в доме было четыре подъезда.

«Надо пересмотреть свое отношение к спорту, — думала она, поднимаясь на пятый этаж. — В мои-то годы страдать одышкой при простом подъеме по лестнице...»

Отдышавшись, Лена нажала на звонок обитой коричневой искусственной кожей двери и прислушалась. Никакого движения, никаких шагов, складывалось впечатление, что в квартире никого нет, но Лена знала, что такого просто не может быть. Наконец в замке повернулся ключ, и раздался голос Ирины Витальевны:

— Кто там?

— Это Лена Крошина.

— Да-да... — как-то растерянно проговорила Ирина Витальевна. — Сейчас, одну секунду...

Послышался очередной поворот ключа, потом звук снимаемой цепочки, и в проеме открывшейся двери возникла Ирина Витальевна в домашнем ситцевом платье и стоптанных тапочках:

— Вы, наверное, за ключом? Не понимаю, как так вышло, я обычно оставляю его в ячейке у охранника... но вчера... ой, что же я вас на пороге держу, проходите, — спохватилась она, впуская Лену в темный коридорчик.

В квартире стоял тот особенный запах, что свойственен помещениям, в которых много лет находится лежащий больной, и никакие уборки, никакие средства и освежители воздуха от него не избавляют, потому что он словно въедается в стены, предметы мебели, шторы. Ирина Витальевна сделала несколько шагов влево и плотно закрыла дверь, ведущую в комнату.

— Пройдите в кухню, — указала она рукой, и Лена очутилась в крошечной кухоньке, где, казалось, двоим невозможно развернуться. Мебель была старенькая, плита — тоже, и, хотя все выглядело чистым и тщательно вымытым, на всей обстановке лежала печать такой безнадежности и уныния, что становилось немного не по себе.

Было видно, что хозяйка прикладывает максимум усилий, чтобы содержать квартиру в чистоте, но у нее слишком мало сил, чтобы противостоять обстоятельствам и — главное — течению времени. Ремонт, сделанный много лет назад, давно перестал быть актуальным, мебель вышла из моды, и, как ни старайся прикрыть обшарпанные столешницы салфетками и скатерками, это не делает ситуацию лучше. Печать унылого безденежья, постоянной нехватки средств, уходящих исключительно на еду и предметы ухода за больной матерью, лежала на всем, что окружало Ирину Витальевну.

Перед приходом Лены хозяйка, очевидно, завтракала, так как спешно принялась убирать со стола тарелку с остатками гречневой каши и полупустой стакан с чем-то похожим на ряженку.

— Я вас оторвала от завтрака, — извиняющимся тоном проговорила Лена. — Но телефон не отвечал, в бюро волнуются. Что-то случилось?

— Ничего... я сейчас принесу ключ, — начала Ирина Витальевна, но тут из глубины квартиры раздался стук и властный женский голос:

— И-ри-на! И-ри-на! Кто к тебе пришел? Слышишь? Немедленно отвечай, кого ты

впустила в квартиру?

Ирина Витальевна вспыхнула, но быстро прикусила губу и, извинившись, вышла из кухни. Хлопнула дверь, и Лена услышала негромкие увещания, произносимые Ириной. Спустя какое-то время женщина вернулась, держа в руке связку ключей:

— Вот, возьмите.

— Спасибо. Вам точно не нужна помощь? — убирая ключи в сумку, спросила Лена.

— Нет-нет, все в порядке. Мама заболела, я не могу оставить ее одну, но постараюсь найти сиделку хотя бы на половину дня. Наталья Ивановна, конечно, сердится?

— Конечно, — улыбнулась Лена, выходя в прихожую. — Но ничего, это пройдет. Так мне передать, что вы берете отпуск за свой счет?

— Нет-нет, — поспешно замотала головой Ирина. — Я не могу... просто сегодня никого не получилось найти, а через час придет врач из поликлиники. Но завтра я обязательно...

Из глубины квартиры опять раздался властный голос:

— И-ри-на! У тебя есть совесть? Сколько я буду тебя ждать? Это невыносимо!

— Похоже, я мешаю, — произнесла Лена, заметив, как помрачнело на секунду лицо Ирины. — Я пойду.

— Да... передайте Наталье Ивановне мои извинения, нужно было предупредить... — И хозяйка как-то слишком поспешно захлопнула за Леной входную дверь.

Выйдя из подъезда, Лена невольно поднесла к лицу рукав плаща — ей казалось, что запах этой безысходной тоски, царившей в Ириной квартире, впитался и в нее, Лену, тоже.

На следующее утро Ирина Витальевна заняла свое привычное место за столом в приемной. Казалось, никто даже не обратил внимания на ее вчерашнее отсутствие, и все вели себя так, как и всегда, и только Лена, зайдя за пачкой бумаги, вдруг увидела на щеке секретарши темное пятно, оказавшееся при близком рассмотрении неумело замазанным пудрой синяком. Лена, не поверив глазам, специально уронила на стол Ирины Витальевны свою ручку и, нагнувшись за ней, пригляделась внимательнее — так и есть, синяк.

«Ого, — удивленно подумала она, забирая ручку. — Неужели маменька еще и рукоприкладствует? Хотя, если исходить из того, что я вчера слышала, вполне может быть».

Ирина Витальевна, словно почувствовав Ленину догадку, резко повернулась так, чтобы оказаться к Крошиной другим боком:

— Вам еще что-то нужно, кроме бумаги, Елена Денисовна?

— Нет, больше ничего. Спасибо. Если не возражаете, может, в обед чаю вместе попьем? — вырвалось у Лены.

— Нет, спасибо. Я должна уйти сразу после обеда, поэтому буду заканчивать работу.

— Удалось найти сиделку?

— Нет, — сухо ответила Ирина Витальевна, всем своим видом давая понять, что дальнейшие расспросы неуместны, и Лена, извинившись, сочла за благо уйти к себе.

С каждым днем Ирина Витальевна становилась все более мрачной и нервной, это начало бросаться в глаза не только Лене, но и другим сотрудникам бюро. Она вздрагивала от телефонных звонков, роняла на пол папки, если раздавался стук двери или просто резкий звук, и все время оглядывалась — когда шла по коридору, когда выходила из здания, когда шла по дорожке к остановке трамвая. Лена, наблюдавшая за этим пристальнее других, все подмечала и наконец пришла к выводу, что дело вовсе не в болезни матери. Ирину что-то беспокоило, она чего-то или кого-то боялась. Но все попытки вызвать ее на разговор

проваливались. Секретарь ссылалась на большое количество работы, на необходимость срочно уйти домой, на внезапный вызов к начальнице — словом, делала все, чтобы избежать разговора с Леной.

«Наверное, я слишком настойчива. Или она, помня о моем следовательском прошлом, не стремится откровенничать. Но тогда, выходит, я права, и у нее что-то случилось».

Не придумав ничего более подходящего, Лена решила обратиться за помощью к Андрею Паровозникову. Ей почему-то казалось, что в произошедших с Ириной переменах виновна та самая визитка экстрасенса Воланда, и если это так, то Андрей вполне мог пригодиться.

Паровозникову Лена позвонила около трех часов и предложила вместе поужинать. Андрей удивился: в последнее время они, перестав быть связанными рабочим процессом, общались крайне мало.

— У тебя дело какое-то? — сразу спросил он, и Крошина слегка обиделась:

— Думаешь, я такая корыстная? Может, я соскучилась?

— Ты врать так и не научилась к таким годам, поэтому я совершенно не рассматриваю твою версию, — отозвался Андрей.

— Погоди-ка... есть что-то, о чем я не знаю? — вдруг насторожилась Лена, уловив в тоне Паровозникова какие-то странные нотки.

— Есть, — со вздохом признался Андрей. — Ты вовремя позвонила, поговорить бы...

— Тогда — до вечера?

— Да, давай.

Они встретились в небольшом итальянском ресторанчике неподалеку от бульваров. Андрей выглядел уставшим и каким-то измученным, и Лена сразу пожалела, что настояла на встрече — он явно после дежурства, набегался, не спал, лицо серое.

— Может, отложим? — нерешительно предложила она, но Паровозников категорически отказался:

— Ишь, какая умная! Вытащила меня, ужин пообещала, а теперь в кусты? Что же мне — голодным умирать?

— А дома к ужину не ждут?

Андрей вдруг помрачнел:

— Я вот об этом и хотел с тобой поговорить. О Надежде.

Надеждой звали молодую женщину, с которой Андрей встречался. Лена видела ее несколько раз в последний месяц работы в прокуратуре — довольно милая, светловолосая, ухоженная и со вкусом одетая Надежда встречала Паровозникова, сидя за рулем собственной машины. По образованию она была журналистом, но предпочитала не состоять в штате какого-то издания, а подрабатывать написанием статей, что называется, под настроение. В деньгах Надя не нуждалась, родители, живущие в Москве, до сих пор поддерживали дочь финансово, и никто из окружающих не мог понять, зачем ей Андрей Паровозников — старший оперуполномоченный в звании капитана, живущий исключительно на зарплату и до сих пор делящий квартиру с матерью. Но Надежда не стремилась, похоже, объяснять свой выбор кому бы то ни было. Лене же казался удивительным тот факт, что Андрей почему-то не выглядел счастливым. В его нынешней ситуации все складывалось как нельзя более удачно — молодая интересная женщина, любимая, пусть порой и выматывающая работа. Но в лице Паровозникова что-то почти неуловимо изменилось, и Лена, знавшая его много лет,

это отметила.

— А что случилось? — усаживаясь за столик, спросила она.

— Давай сперва поедим, я с утра по городу бегал, даже на гамбургер времени не было, — взмолился Андрей, берясь за красочный лист меню.

Угрюмое молчание сохранялось до того момента, как официант принес десерт и кофе. Паровозников, утолив голод и немного оттаяв, откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел на Лену. Та поежилась:

— Что?

— Да вот думаю... ты же умная, Ленка, вот скажи — чего вечно не хватает женщинам, а?

— В каком смысле?

— В прямом. Что ни дай — все мало. Что ни сделай — все плохо. Бывают на этом свете такие женщины, которые если не всем довольны, то хотя бы частью?

Лена пожала плечами:

— Смотря о чем речь.

— Ты меня нарочно подначиваешь? — начал закипать Андрей, страшно не любивший такие вот обтекаемые ответы. — Хочешь, чтобы я по пунктам разложил?

— Нет, я хочу, чтобы ты по существу говорил, а не пользовался этим банальным «все женщины одинаковы». Есть проблема — рассказывай, подумаем, а вести тут часовые диалоги ни о чем я как-то не рассчитывала.

— Злая ты, — вздохнул Андрей. — Ладно, хочешь конкретики — лови. Она меня залюбила до того, что я домой идти не хочу. Ну, как — «домой»... это даже не мой дом, не наш совместный... квартиру она снимает, там встречаемся. Не могу — как в ошейнике, в этой любви. Где, с кем, куда, поел, попил, устал, сердит, занят, свободен — куча вопросов, и это не потому, что ревнует, а потому, что так, видите ли, во мне нуждается. И хочет в ответ того же, а меня бесит это все. Я хочу прийти к ней и помолчать полчаса, а не рассказывать, как прошел день. Чаю хочу выпить такого, как сам люблю, а не того, какой, как она считает, мне поможет от каких-то там проблем со здоровьем, — он взъерошил волосы и жалобно посмотрел на Лену. — Крошина, ведь это невыносимо, да? Это не мне так кажется, а на самом деле так. Разве можно так душить любовью?

Лена молчала, помешивая соломинкой напиток в бокале. Ей казалось, что вместо голоса Паровозникова она слышит голос Никиты Кольцова и это именно Никита рассказывает о том, как тяжело ему с ней, Леной, потому что ее любви слишком много. В нынешней девушке Андрея Лена узнавала себя, и ей было отвратительно и гадко. Получалось, что мужчине — любому, не только Никите — вовсе не нужна такая забота, которой Лена пыталась окружить. Раздражала ее попытка быть нужной, незаменимой, вникающей во все нюансы работы и увлечений, выводили из равновесия советы и попытки сделать что-то за него. Лена вдруг очень ясно вспомнила унижительные моменты, когда она, буквально увязавшись за Кольцовым на съемки, видела его усталость, раздражительность и «замылившийся» взгляд, мешавший ему оценить композицию и выстроить более удачный кадр, мягко отводила его от фотокамеры и вставала за нее сама. Даже то, что она освоила некоторые приемы фотографии, чтобы иметь возможность в трудный для Никиты момент подставить плечо, сейчас казалось до отвращения тошнотворным.

«Зачем я так топтала себя и унижалась? Мы все равно не вместе, хорошо еще, что у меня хватило сил уйти первой, а не ждать, пока меня выставят коленом под пятую точку».

— Знаешь, Андрюшка, у некоторых женщин есть вот такая потребность нянчить мужчин, — со вздохом сказала она вслух. — Потребность дать любимому человеку все. Обычно так себя ведут те, у кого есть какие-то проблемы в жизни либо тянущиеся из прошлого детские комплексы и страхи. Возможно, у твоей Нади что-то такое было. Ты когда-нибудь говорил с ней по душам? Или тебе вечно некогда? Ты ведь тоже не идеальный, Андрюшка.

Паровозников удивленно посмотрел на нее:

— Не думал, что ты такое спросишь. Если я провожу с человеком больше часа в день, то стараюсь о нем что-то узнать. Тем более если этот человек — женщина, у которой я остаюсь ночевать чаще, чем один раз в неделю.

— Оригинальный кодекс чести, — улыбнулась Лена.

— Успела забыть, как это происходит?

— Ниже пояса, Андрей.

— Да, извини, не стоило.

Они оба старательно обходили тему своего недолгого романа, закончившегося около года назад. Лена тогда сама все оборвала, вернулась к Кольцову, и Андрею стоило огромных усилий продолжать работать с ней вместе дальше. Лене тоже было непросто, а когда и с Кольцовым все закончилось, она вообще почувствовала себя не в своей тарелке и приняла решение сменить заодно и работу. Оставив в прошлом больные отношения с Кольцовым и должность старшего следователя, Лена Крошина пришла в адвокатское бюро своей матери на должность помощника адвоката. Заодно и необходимость пересекаться по рабочим вопросам с Паровозниковым отпала.

Андрей молча доедал остатки отбивной, Лена рассеянно смотрела поверх его головы и ждала, когда он закончит. Ей необходимо было поговорить о проблеме Ирины, очень уж хотелось помочь этой слегка странной, но совершенно беззлобной женщине, и так уже затюканной жизнью и деспотичной матерью. Она, конечно, о помощи не просила, но Лена твердо знала — такие обычно и не просят, они слишком гордые для подобных просьб, слишком самолюбивые и болезненно ранимые во всем, что касается собственной жизни.

— Слушай, Андрюшка, — заметив, что он отодвинул тарелку, начала Крошина. — Ты не мог бы мне помочь?

— Если что-то противозаконное, то я только «за», — сообщил он немедленно.

— Прекрати, — поморщилась Лена. — У нас в бюро работает одна женщина, и мне кажется, что с ней что-то случилось.

— А я штатный психолог?

— А ты сперва дослушай, потом будешь ядом истекать. Некоторое время назад я случайно увидела у нее на столе визитку экстрасенса...

— И чего? — перебил Паровозников. — Сейчас многие прибегают к услугам этих прохиндеев в надежде на улучшение своей жизни без приложения усилий.

— Я ведь просила сперва дослушать. Я отлично знаю, кто и зачем ходит к экстрасенсам, но здесь иной случай. Ирина находится в весьма затруднительном положении как в плане финансов, так и морально, и мне кажется, что за последние несколько недель стало еще хуже. И вот я хочу понять, не связано ли это с визиткой на ее столе.

— Не вижу связи. Более того — не вижу причины, по которой ты должна в это соваться.

— Я хочу ей помочь. Кроме того, мне кажется, что происходит что-то явно криминальное, и я хочу повлиять на это, пока есть возможность.

— Да? Каким образом?

— Не знаю. Потому и позвала тебя.

— Лен, я не частный детектив, да и никакого криминала, судя по всему, там нет пока. А свободное время мое... ну, сама ведь все знаешь, — упирался Андрей, но Крошина не сдавалась:

— Будем ждать, пока этот криминал появится — в виде трупа, например?

— Да с чего там трупу появляться-то? Ну, сходила тетка к шарлатану, наговорил он ей сорок бочек арестантов за ее, прошу заметить, добровольно отданные денежки — ну, переживет как-нибудь.

— Ты не понимаешь!

— Права — не понимаю. Ты зачем из прокуратуры ушла, если теперь, сидя в теплом адвокатском бюро, выискиваешь там следы преступлений? Твое дело теперь опровергать в суде то, что я накопаю по делу, а не расследовать эти самые дела.

— Мы уголовным правом не занимаемся.

— Ну, вот я и вижу, что ты заскучала, — съязвил Паровозников. — Кстати, Петька Крашенинников оказался весьма толковым парнем, начальство не нарадуется.

Молодого следователя Петю Крашенинникова Лена фактически переманила из Москвы, когда ездила туда в командировку, и теперь ее протеже довольно успешно трудился в местной прокуратуре, охотно попросившись со столичной жизнью.

— Это прекрасно, но от темы не уходи, пожалуйста, — быстро разгадала хитрость Андрея Лена.

— Чего ты хочешь? — сдался он, махнув рукой.

— Чтобы ты под видом клиента ходил к этому экстрасенсу и посмотрел, не пахнет ли там какими-то аферами.

— Сдурела? Ты знаешь, сколько стоит прием у таких товарищей? Моей «зряплаты» явно не хватит, — пошутил Паровозников.

— Ты свою не зря получаешь, ты ее отработываешь по полной. И я не рассчитывала, что ты сам будешь платить, я помогу. Да и первый прием там не так дорог, как последующие, — простой рекламный трюк, чтобы заманить клиента, посадить на крючок, а затем уж выпотрошить основательно.

— Ты, смотри, подготовилась, — ехидно заметил Паровозников, принимаясь за большой кусок торта, поставленный перед ним официанткой.

— Ну, я тоже не на облаке живу, кое-что слышу. Так вот — первый прием там копеечный, я тебе денег дам, это не проблема. Надо только придумать повод, по которому ты явился к волшебнику.

— А чего там думать? Я — бизнесмен, хочу поставить код на успешный бизнес... — Но Лена покачала головой:

— Нет, дорогой мой бизнесмен Андрей Александрович, твое оперативно-разыскное нутро так слилось с внешним обликом, что любой мало-мальски подкованный в плане психологии человек расколется твою легенду прямо на пороге. Ты не забывай, мы имеем дело с тем, кто манипулирует людским сознанием, и уж что-что, а физиогномику с психологией он знает получше нас с тобой.

Паровозников помолчал, видимо, раздумывая — обидеться или не стоит, потом вздохнул:

— Вот ты всегда так. Даже помечтать не дашь. Что мне — рогоносцем прикинуться?

— Тоже не годится, — улыбнулась Лена. — И тут тебя снова подводит внешность.

Она была совершенно права — по-мужски красивое лицо Андрея, чем-то напоминавшее лица скандинавских викингов с картин, никак не могло принадлежать человеку, которому изменяет жена.

— Золотое правило: отвергаешь — предлагай, — пожал плечами Паровозников.

— Тут надо подумать... не хочется связываться с болезнями, я какая-то суеверная стала... может, предположить, что у тебя пропало что-то ценное?

— У меня ценного — машина, и не дай бог... — начал Андрей, но Лена перебила:

— Это же для легенды. Давай придумаем что-то, ну, скажем, какое-нибудь кольцо фамильное...

— «Фамильное»! — передразнил он и не удержался, конечно: — Это у твоего дворянина Кольцова могло пропасть что-то там фамильное, а мои пролетарские родственники ничего такого отродясь не имели.

Лена помрачнела. Всякий раз, когда в разговорах всплывала фамилия Никиты, она чувствовала где-то глубоко в душе обиду и тоску. С этим непременно нужно было как-то бороться, чтобы не повторить собственную ошибку и не попытаться в очередной раз его вернуть.

«Нет, этого я уже не переживу — снова унижаться», — решительно отогнала она от себя печальные мысли и, помотав головой, сказала:

— Хорошо, пусть так. Документы? Можем особенно не уточнять, какие именно — просто важные.

— Но он же спросит, кем я работаю. Версию с бизнесом ты отвергла. Не могу же я ему сказать, что пропали отчеты об оперативных мероприятиях, — фыркнул Андрей, доедая торт. — То-то он обрадуется.

— Ну, понятное дело, что это не годится. Можно сказать, что ты, скажем, оценщиком работаешь на авторынке, — вдруг сказала Лена. — Уж это сыграть большого ума не надо, ты ж с подобными кадрами часто сталкиваешься. Скажешь, что пропал договор с клиентом, а сделка вот-вот.

— Не очень правдоподобно, но может проскочить. Как-то не хочется что-то личное выворачивать, — вдруг признался Паровозников, откладывая ложечку. — Вдруг на самом деле есть что-то такое... ну, понимаешь, мало ли... не смейся только.

— И в мыслях не было. Я сама в последнее время стала за собой замечать, что верю в какую-то чепуху типа черных кошек и вещих снов, — абсолютно серьезно сказала Лена. — Хотя, скорее всего, это тлетворное влияние Ирины Витальевны. Она ни с кем, кроме меня, особенно не общается в бюро, хотя работает там уже давно. Знаешь, мне иногда кажется, что она во мне почувствовала родственную душу — старую деву и сорок кошек в перспективе.

Паровозников изумленно посмотрел на нее:

— Ты это серьезно, что ли?

— Вполне. Личной жизни нет, времени на нее — тоже. Да и желания уже никакого, если честно. Дело за кошками.

Андрей покачал головой. В то, что Лена Крошина останется одна, он не особенно верил. Те месяцы, что он прожил с ней, убедили Паровозникова в том, что такая жена вполне могла бы приглянуться множеству мужчин, ищущих в отношениях материнской заботы. Ленка умела организовать быт так, что мужчине оставалось только благодарно пользоваться свалившимся на него счастьем. Если бы не один весьма существенный недостаток. Крошина

бывала, что называется, душноватой — ее забота порой принимала какой-то карательный характер, ее было чересчур много, от этого хотелось убежать. И именно эти Ленкины черты Андрей сейчас угадывал в своей Наденьке. Но если Крошина рассталась с ним по собственной инициативе, то от Надежды ему придется избавляться, а это всегда чревато скандалами, слезами и истериками.

— Может, прогуляемся? — предложил он, подзывая официантку и вытягивая из кармана бумажник.

— Можно, — скорее по привычке бросив взгляд на часы, отозвалась Лена. Дома никто не ждал, но этот жест прочно ввелся и никак не уходил.

Она сняла со спинки стула сумку, но Андрей укоризненно покачал головой:

— Крошина, ну, ты совсем уже. Я не безработный и за ужин с подругой могу сам заплатить, в одно, так сказать, лицо.

Лена рассмеялась:

— Прости, Андрюша, я по привычке.

«Если он сейчас снова упомянет Кольцова, я заору на все кафе», — вдруг подумала она со страхом, но Паровозников ничего не сказал, вложил деньги в кожаную папку и поднялся из-за стола.

— Ты машину когда покупать собираешься? — спросил он, когда они вышли из кафе на улицу и оказались в теплых сумерках большого бульвара, тянущегося на несколько километров вниз по склону. С обеих сторон пролегали рельсы, по которым то и дело проносился, гремя железом, трамвай.

— А ты хочешь мне помочь? — обрадовалась Лена. — Я думала с кем-то из водителей в гараже прокуратуры договориться...

— Да мне несложно, ты только скажи, в какой день, чтоб я не дежурил и не с суток был.

Свою старенькую машину Лена наконец-то продала за весьма символическую сумму и теперь собиралась купить новую, но ей, конечно, требовалась мужская поддержка, и предложение Андрея пришлось как нельзя кстати. Деньгами помогла мать — просто пришла однажды в контору, положила на стол перед Леной конверт, в котором оказалась банковская карточка и листок с кодом, а когда дочь попробовала возразить, жестко сказала:

— Не веди себя так. Это не деньги твоего отца, это мои личные сбережения. Тебе нужна машина. И раз уж ты не хочешь разменивать нашу квартиру, так возьми это и купи.

Наталья Ивановна развернулась и вышла из кабинета, оставив тяжелый запах духов, который Лена отчетливо помнила с самого детства.

Она действительно отказалась разменивать родительскую квартиру, рассчитывая со временем взять ипотеку и самостоятельно купить себе «однушку» где-нибудь в новостройках на окраине. Зарабатывала она теперь неплохо, уже самостоятельно вела некоторые дела и выиграла несколько процессов, благодаря чему имела определенную репутацию в адвокатских кругах. Это позволяло надеяться на то, что число клиентов будет увеличиваться. Мать сумела создать крепкое бюро, завоевавшее свое место на рынке адвокатских услуг, и Лена усердно училась всему, чему было нужно, у коллег и самостоятельно, штудирова по ночам статьи и учебники. В бюро все понимали, что больше всего Крошина боится быть обвиненной в протекционизме и кумовстве, не хочет, чтобы имя матери как-то влияло на ее собственную карьеру, а потому из кожи вон лезет, наворачивая то, чего не знала или забыла. За это ее уважали и охотно давали советы, а то и просто предлагали помощь, от которой Лена, если чувствовала необходимость, никогда не отказывалась.

— Я все пытаюсь понять, — взяв Андрея под руку, произнесла Лена, — с чего вдруг мама с этими деньгами? Я же не просила.

— Зная тебя, не сомневаюсь. Но ты вполне можешь их взять, раз она сказала, что эти деньги не принадлежали твоему отцу.

— Это не проверишь.

— Ленка, перестань. Дело было так давно, что уже пора забыть об этом. Отец умер, а ты все продолжаешь его, мертвого, наказывать за то, что тебя никак не касалось.

— Я не наказываю... Мне хочется понять, почему все-таки он никогда даже не намекал на наличие этих денег и ничто не говорило о том, что они у него есть. Неужели действительно собирался выйти на пенсию, купить дом где-то за границей и уехать вместе с мамой? Не могу поверить...

— А почему нет? И потом, ты пойми — время было такое, что обнародовать крупные денежные суммы было весьма чревато.

— Ой, все, не хочу про это, — Лена поморщилась, словно воспоминания о застрелившемся отце вызывали у нее физические страдания. — Раз мама сказала, что деньги ее, у меня нет оснований ей не верить. Упали в руки — потрачу, тем более машина мне нужна позарез, на такси-то не накатаешься.

Они принялись обсуждать марку и модель, неспешно спускаясь по бульвару вниз, к перекрестку, где можно было либо дожидаться трамвая, либо пройти пешком через несколько улиц и оказаться у дома, где Лена снимала квартиру.

— Ленка, а ты мне не поможешь по старой дружбе? — вдруг спросил Андрей, когда все детали предстоящей покупки машины были досконально обсуждены.

— Если это не противозаконно, — улыбнулась она.

— Тут у Петьки дело в работе, и мне сдается, что он не там ищет.

— Служебную тайну разглашаем? — дежурно пошутила Крошина.

— Ничего я тебе не разглашаю. Считаю, что просто историю рассказываю, хочу мнение со стороны услышать.

— Тогда идем ко мне, — предложила она, — не на улице же обсуждать. Да и дождь, кажется, сейчас пойдет.

Андрей согласился — в самом деле начало накрапывать, и это могло закончиться полноценным дождем, а мокнуть на ночь глядя не особенно хотелось.

— Тебя дома-то не потеряют? — скорее для проформы спросила Лена, и Андрей отмахнулся:

— Я что — подневольный? Удивительно, что еще телефон не оборвала.

— Ты его просто в кафе на беззвучный режим поставил, — съехидничала Крошина. — А там наверняка уже с десятков пропущенных.

— Да и черт с ней. Ну, веришь — я маме так не докладывал, когда в школе учился. Вот хоть ты убей — не должна женщина настолько напрягать своим присутствием. «Мне не хватает внимания!» — передразнил он. — Какого еще тебе внимания не хватает, когда я и так все свободное время рядом провожу? Должны же быть у меня какие-то собственные друзья, к которым я могу пойти один?

— Ты не кричи, я же не глухая. Почему вам, мужчинам, всегда кажется посягательством на вашу свободу просьба об одной лишней эсэмэске в день? Да, мне вот тоже всегда хотелось больше внимания, каких-то глупых мелочей, понимаешь? Хотелось знать, где он, с кем, что делает.

— Ленка, влезать к мужику в душу, в голову, в работу в конце концов — это самая верная дорога к тому, чтобы его потерять, вот поверь мне.

— Ты как Юлька...

— О, кстати! — оживился Андрей. — Как тебе сериал? Смотришь?

Ленина подруга актриса Юлия Воронкова не так давно получила предложение сниматься в одной из главных ролей в новом сериале и переехала в Москву. Многосерийная сага оказалась весьма удачной и интересной, и было решено снимать продолжение, потому Юлька, которая никак не могла решить, хочет ли остаться в столице насовсем, вынуждена была там задержаться. Кроме того, ей предложили главную роль в полнометражном фильме, и Воронкова сейчас склонялась к тому, чтобы принять это предложение, рассудив, что много работы куда лучше полного ее отсутствия. Изредка они перезванивались, но в основном Лена довольствовалась просмотром сериала, где подруга блестяще исполняла роль коварной стервы Карины.

— Да, ты знаешь, втянулась, как ни странно. Юлька там такая... другая, что ли.

— Да ну — другая, — фыркнул Андрей, помогая Лене перешагнуть довольно большую брешь в тротуарной плитке. — Она там ровно такая, как в жизни, просто ты ее с детства знаешь и воспринимаешь иначе, чем я. А в жизни госпожа Воронкова — ровно такая стерва, как на экране, потому и играет так правдоподобно. Нечего ей там играть, живет как жила.

Лена слушала его удивленно. Ничего общего с экранным образом, по ее мнению, у Юльки никогда не было, но, возможно, Андрей прав — она сама помнила ее первоклассницей с большими бантами в косичках, ровно такой, как в момент их знакомства на школьной линейке. Холеная же экранная дама, ловко плетущая интриги и жонглирующая мужчинами, как резиновыми мячиками, никак не увязывалась в сознании Лены с этой девчушкой. Но Паровозников уловил, пожалуй, главное — Юлькина прямолинейность, жесткость суждений и порой излишняя категоричность в оценках весьма удачно наложились на образ, а потому ее Карина выглядела так естественно.

— Ну, согласишься, Ленка, что я прав? Ведь ты только что сказала, что я как Юлька, когда речь зашла о мужчинах? — напирал Андрей, и Лена вынуждена была признать:

— Да, наверное... Я просто никогда не думала о ней с этой точки зрения. А скажи — приятно иметь среди друзей знаменитость?

— Надька мне не поверила, когда я сказал, что знаю Воронкову. Она, знаешь, из тех, кто думает, будто все известные люди сразу в Москве рождаются, а не приезжают туда из городов вроде нашего.

— Что ж ты ее постоянно критикуешь-то? Зачем тогда живешь с ней, если тебя все так раздражает?

Андрей неопределенно пожал плечами, но ничего не сказал.

У супермаркета, расположенного совсем рядом с домом, Лена остановилась и задумалась, припоминая, есть ли у нее сахар и что-нибудь к чаю.

— Зайдем на минутку, — предложила она, и Паровозников кивнул.

Быстро пробежав между полок, Лена бросила в пластиковую корзинку пакет сахара, две пачки печенья и направилась в мини-пекарню, где к содержимому корзины добавились черемуховые булочки в шоколаде, небольшой кусок бисквитного рулета с масляным кремом и несколько бриошей.

— Ты, смотрю, не паришься, — ухмыльнулся Андрей.

— А смысл? Один раз живем, чего ж себя в еде-то ограничивать? — пожала плечами

Крошина, направляясь к кассе.

— Вот за что я тебя всегда любил, Ленка, так это за то, что ты честная. Хочешь булку — берешь и ешь, а не манерничаешь про диету и фигуру.

— Ой, брось. Я просто достаточно ленива, чтобы все эти диеты соблюдать, вот и все. Слава богу, что обмен веществ хороший, поправляюсь в пределах двух кило, это не так заметно. А могла бы в маму пойти.

Наталья Ивановна, несмотря на возраст, выглядела до сих пор очень хорошо, просто была крупной и высокой, что совершенно ее не портило. Лена пошла в отца — среднего роста, крепкая, но не склонная к полноте, и это позволяло ей безнаказанно есть выпечку на ночь, не опасаясь прибавки в весе. Работая, она худела, в отпуске набирала килограмм-другой, но не обращала на это внимания.

Расплатившись, они вышли из супермаркета и двинулись во двор. Светодиодные фонари отреагировали на движение, зажигаясь по мере того, как Лена и Андрей продвигались к подъезду. Крошина вдруг подумала, что не хочет никуда уезжать отсюда — этот дом и двор стали ей родными, а квартиру она с первых дней не воспринимала как съемную. С хозяйкой повезло — она вообще никак не вмешивалась в жизнь своей съемщицы, исправно оплачивавшей аренду и не вызывавшей никаких нареканий со стороны соседей. Подъезд у них был тихий, уютный, с цветами на лестничных площадках, и уезжать отсюда ей будет, безусловно, жалко. «Слава богу, что пока я не приняла никакого решения по поводу ипотеки. И не факт, что скоро приму».

— Так о чем ты хотел поговорить? — удобно устроившись за столом в кухне, спросила Лена.

Андрей, присев на подоконник, курил в приоткрытое окно и как-то мечтательно смотрел в небо. Его красивое лицо было печальным и задумчивым, и Крошиной на мгновение стало жаль, что у них ничего не вышло тогда — по ее вине. «А может, попробовать еще раз? — мелькнула в голове шальная мысль, но Лена тут же ее отогнала: — Нет. Ничего нельзя повторить, нельзя возвращаться. Я уже попробовала — с человеком, которого действительно любила, но все закончилось еще хуже».

— Да, понимаешь... — тряхнув головой, сказал Паровозников. — У Петьки в производстве довольно странное дело, и мне кажется, что мы копаем вообще не в той стороне. Ситуация такая — была закрытая вечеринка в одном ресторане, довольно большая компания. Все, разумеется, пьют, поют, танцуют — и вдруг один из участников выпадает с веранды на камни и разбивается насмерть.

— Погоди. Какие камни? Может, на асфальт?

— Нет, именно на камни. Знаешь ресторан «Титаник»?

— Ну, еще бы! На набережной? Это, пожалуй, единственное в городе заведение, которое работает еще с девяностых. Там и интерьер весь выдержан в стиле фильма, и веранда в форме носа корабля. Постой... значит, это оттуда упал потерпевший? На берег? Веранда ведь нависает над берегом реки, там небольшой обрыв и огромные валуны такие?

— Ну и память у тебя... — присвистнул Андрей, беря новую сигарету. — Да, точно. На веранде в тот момент были двое — потерпевший и его жена. Все остальные участники вечеринки в голос твердят, что мужчина был настолько пьян, что не держался на ногах, потому, скорее всего, и упал. Но дело в том, что труп лежал на спине, а содержание алкоголя в крови такое, что позволяет усомниться в правдивости слов свидетелей — люди с таким

уровнем алкоголя ухитряются машину водить. И потом, потерпевший — спортивный мужик, всю жизнь занимавшийся скалолазанием и йогой, так что версия о потерянном равновесии вообще никакой критики не выдерживает.

— Ну, и в каком направлении ищите? — спросила Лена, сделав глоток чая.

Она чувствовала странное приятное возбуждение — впервые за то время, что ушла из прокуратуры.

— Петька настаивает, что виновата супруга — ну, ты ведь понимаешь, что в таких ситуациях первый подозреваемый именно из пары.

— А ты так не думаешь?

Андрей взъерошил волосы, сделал пару глубоких затяжек и, прижав окурок в пепельнице, проговорил:

— А черт его знает... она мутная какая-то. Вроде плачет искренне, переживает о сыне — ему девять лет, но в то же время мне кажется, что смерть мужа... как бы так сказать-то... ну, словом, вроде бы ей стало легче, что его нет.

— Это ты с чего взял?

— У нее в глазах спокойствие, понимаешь? Она говорит, а глаза совершенно спокойные, не мертвые, не равнодушные, а именно спокойные, безмятежные какие-то.

— Может, тебе показалось? — с сомнением спросила Лена. — И потом, разные люди по-разному реагируют на трагедию. Кто-то в истерике колотится, а кто-то все внутри перемальвает, переживает, а внешне не выражает никак.

— Не знаю, Ленка. Ты только представь — у твоих ног лежит тело твоего мужа, с которым ты много лет прожила, ребенка родила от него, и тело это выглядит, скажем честно, не очень... с высоты на камни — сама понимаешь... И ты со спокойным лицом будешь на это смотреть? Слезы текут, а глаза ничего не выражают, кроме облегчения?

— Сдается мне, ты фантазируешь, друг мой Андрюша. В последнее время ты стал уж очень романтичный.

— Да брось ты! — вспыхнул Паровозников. — При чем тут романтика? Совершенно очевидно, что баба не настолько переживает, как, по идее, должна бы.

— Кому должна? Тебе? — спокойно спросила Лена. — Есть каноны переживаний? Эталон скорби? Какая-то схема, таблица — что?

— Ты издеваешься?

— Отнюдь. Я не могу понять — если Петр решил, что жена — первая подозреваемая, да и ты, как я слышу, очень в ней сомневаешься, то в чем вопрос-то? Пусть потрясет ее по сильнее, может, она и признается. Или подруг, которые все видели, немного понапористей поспрашивает.

— Понимаешь, я не люблю, когда все вот так очевидно. Труп мужа — подозреваем жену... могло ведь быть иначе.

— Как? Нет свидетелей падения потерпевшего через перила веранды. Ну, согласна — подвыпившие люди на вечеринке не самые надежные свидетели, если там на самом деле какой-то криминал. Но ведь там еще люди были — работники клуба, например, и кто-то что-то видел, слышал, заметил. Да, работы много, но ведь ее кто-то должен сделать.

Андрей хмуро посмотрел на нее:

— Ну, так-то да... однако эта Долженкова странная штучка.

— погоди, как ты сказал — Долженкова? — насторожилась вдруг Лена, напрягая память.

— Долженкова Арина Михайловна.

— Ну, приехали... — пробормотала Лена. — Это моя бывшая одноклассница. Правда, фамилия у нее тогда была Кононова. Долженкова она по мужу, а муж у нас — бизнесмен, и весьма, скажу я тебе, успешный. У него пятьдесят один процент акций одного крупного лесоперерабатывающего завода в соседнем регионе.

— Ого... — протянул Андрей. — Ну у тебя и память, в который раз это говорю...

— Да какая память, о чем ты... Недавно мама вела дело... иск об установлении отцовства.

— Ну-ка, ну-ка, — пересаживаясь с подоконника за стол, напрягся Паровозников. — Кто к кому?

— Супруг засомневался. Но оказалось, что зря — совпадение почти стопроцентное, никаких вариантов. Вот тогда я Арину и видела, в суде, где она ответчиком выступала.

— Ну и ну... прямо судились, значит?

— Вот представь себе. Но знаешь, что странно? Я их потом видела выходящими из зала суда, так они в обнимку шли. Как будто ничего не произошло, понимаешь? Я не представляю, как бы обнималась с человеком, который десять минут назад подозревал меня в неверности и в том, что у меня ребенок не от него. А эти двое, прямо как счастливые новобрачные...

— Вот я о том и говорю — странная эта Долженкова, стран-на-я, — подхватил Андрей, вытягивая из пачки очередное печенье. — И в свете открывшихся обстоятельств вполне могла супружника с веранды в полет отправить.

— Прямо на вечеринке? Нет, дорогой, такие вещи, как месть, обычно тщательно обдумываются, особенно если речь идет об унаследовании немалого состояния, а оно у Долженкова, поверь мне, о-го-го... Он, наверное, единственный в нашем городе легальный миллионер.

— А вот, кстати, по квартире его этого совершенно не скажешь. Да, в хорошем доме, но, удивишься, без излишеств, без роскоши, только все необходимое. Машина хорошая, но не понтовая, у жены — тоже весьма простенькая модель «Мазды». Так что, может, дама разозлилась, что супруг ее в черном теле держит при таких деньжищах.

Лена снова отрицательно покачала головой:

— Вряд ли. Для убийства нужен более веский мотив, чем не очень модная машина.

— Ой, можно подумать, ты никогда не видела, как убивают за бутылку пива!

— Да. Но не в этой социальной среде, согласишься? Там, где вертятся большие денежки, бутылка пива как мотив для убийства, ну признай, вообще не рассматривается. Арина неглупая женщина, думаю, если бы она вдруг решила отомстить мужу за недоверие, то сделала бы это тоньше и, уж точно, не лишая его жизни. Кто убивает курицу, несущую золотые яйца?

Лена прикоснулась к остывшему чайнику, щелкнула кнопкой:

— Дорогой друг Андрюша, время уже глубоко ночное, потому предлагаю тебе остаться у меня.

— Не возражаю, — Андрей с хрустом потянулся и подвинул свою чашку ближе к Лениному локтю: — Плесни еще водички. Короче, я совсем запутался. С одной стороны, самый удобный и главный подозреваемый — жена. Но с другой... — Он взъерошил волосы и признался: — Где-то в глубине души я с тобой согласен. Нет смысла убивать мужа из-за его сомнений в отцовстве, гораздо эффективнее тянуть из него деньги и периодически напоминать о нанесенной глубокой обиде. Ведь его подозрения не оправдались? Или?..

— Нет, говорю же, там все четко — отец ребенка Долженков.

— Вообще тогда не понимаю... а ты не слышала случайно, с чего вдруг он вообще задался этим вопросом, а?

Но этого Лена не знала. Понятное дело, что разговаривать об этом с матерью бесполезно, она будет общаться только с представителями прокуратуры и только при предъявлении ордера. А залезть в бумаги втихаря Лена, разумеется, себе не позволит.

— Ну, вызовите ее повесткой, поговорите, может, Арина сама расскажет, — предложила она.

— Да это-то понятно... я подумал, что, может, ты что слышала или просто знаешь. Но ладно, пусть Петька разбирается.

Допив чай, они отправились ставить раскладушку для Андрея. Лена внутренне удивилась, как легко у нее это выходит — оставить на ночь бывшего любовника, стелить ему постель неподалеку от своей кровати и даже не думать о том, что когда-то этот мужчина был для нее самым близким. Андрей, похоже, тоже не испытывал неловкости и чувствовал себя в ее квартире вполне комфортно. Юркнув под одеяло, он лег на бок и, подперев кулаком щеку, проговорил:

— Когда за машиной-то поедем?

— Можно в выходной. Ты не дежуришь?

— Слава богу, нет. Да и повод появится к Надькиной подруге на день рождения не идти.

Лена укоризненно покачала головой:

— Ну, ты нахал! Пользуешься нашей дружбой, чтобы избегать неинтересных тебе мероприятий?

— Да ну, при чем тут... я себя в той компании чувствую каким-то ущербным. Собираются девки при деньгах, мужики у них напыщенные, холеные, с маникюром — и тут я такой: здрасте, я опер Паровозников, я не спал три ночи. Мне с ними даже поговорить не о чем — что я смыслю в этих биржевых котировках и причинах спада на фондовых биржах?

Лена рассмеялась:

— Не утрируй. Можно подумать, что мужья подруг твоей Нади сплошь из списка Форбс. Обычные мужики же, ну?

— Да понятно... но мне с ними неинтересно. Я не умею разговаривать про то, что мне не близко, понимаешь?

— Отлично понимаю. Тогда поедем машину выбирать. Хотя, если честно, мне твою Надю жалко. Она не виновата, что любит тебя. Может, не так, как тебе это рисовалось в мечтах, но любит же.

— Ой, Ленка, я тебе про эту любовь все уже объяснил, — поморщился Андрей, укладываясь на спину и закидывая руки за голову. — Все хорошо, но нельзя лишать человека хоть микроскопического, но личного пространства. Возможности побыть наедине с собой и своими мыслями. Нельзя постоянно держать друг друга за руки.

— Сложный ты, Андрюшка, — вздохнула Лена. — Ладно, давай поспим хоть немного.

Через две недели Ирина Витальевна снова исчезла. Лена опять вынуждена была переместиться из своего кабинета в приемную и выполнять обязанности секретаря. В сочетании с пятью делами, которыми она занималась, это оказалось довольно большой нагрузкой, и к концу второй недели она почувствовала, что засыпает на ходу и подолгу смотрит на клавиатуру в поисках нужной буквы. Двое из пяти сотрудников бюро ушли в

отпуск, и те дела, которыми могли бы заниматься они, достались вынужденным прозябать в офисе бедолагам, в том числе и Лене, а потому она проводила на работе практически все время. Несколько раз звонил Голицын, приглашал встретиться, но у Лены просто не оставалось сил на прогулки и разговоры, и она отказывалась. Отказывая Павлу, она немного опасалась, что он больше не позвонит, однако писатель, кажется, не усматривал в этом ничего для себя обидного и звонил снова.

— Павел, я действительно очень устаю на работе, — сказала Лена во время одного из таких разговоров. — И дело совершенно не в том, что я не хочу с тобой встречаться. Но сейчас лето, в бюро много дел, а нас всего трое, да еще и секретарь куда-то опять пропала, и я ее замещаю, помимо адвокатской работы...

— Не нужно оправдываться, Леночка, — рассмеялся Голицын. — Я же понимаю, что присутственная работа — она такая, а уж летом, когда начинаются отпуска... Ничего страшного, будешь посвободнее — встретимся, лето еще только началось. Не буду надоедать.

Крошина испытала облегчение, но вовсе не потому, что Павел не обиделся, и, поняв причину, испугалась. Выходило, что подспудно она даже рада большому объему работы, который не позволяет ей выкроить несколько часов для встречи. Голицын был устроен иначе, чем Кольцов, и именно это мешало Лене. Да, безусловно, внимание и интерес с его стороны были ей приятны, но она понимала и то, что выстроить с Голицыным такую же модель поведения, как она привыкла, не получится. Павел явно не ищет мамочку, он сам — мужчина и, скорее всего, будет стараться окружить вниманием ее, Лену. А она совершенно не умела принимать заботу от мужчины и не была к этому готова.

Времени действительно не оставалось ни на что, особенно же утомляла необходимость проводить рабочий день в приемной, то и дело сталкиваясь с матерью. После того как Лена с помощью Андрея купила машину и сказала об этом Наталье Ивановне, еще раз поблагодарив за деньги, между ними ничего не поменялось. Мать вела себя все так же холодно, словно Лена всего-навсего наемный сотрудник, и не более, а Лена, устав прикладывать усилия к достижению перемирия, махнула рукой и старалась как можно меньше попадаться Наталье Ивановне на глаза. Однако, сидя в приемной, сделать это, конечно, было невозможно.

— Может быть, ты все же возьмешь кого-то временно, до тех пор, пока Ирина Витальевна не вернется? — не выдержав однажды, спросила она, принеся Наталье Ивановне очередной кофе.

— Ирина Витальевна уволена, — ровным тоном отозвалась мать. — Заявку в фирму по подбору персонала я отправила сегодня. Потерпи несколько дней.

— Уволена? — поразилась Лена. — Как, за что?

— За прогулы.

— В смысле — за прогулы?

— А когда ты в последний раз видела ее на рабочем месте? — спросила Наталья Ивановна, придвигая к себе чашку.

— Я думала, она опять отпуск за свой счет взяла.

— Нет. Она просто пропала — и все. Телефон не отвечает, водитель мой съездил к ней домой — там никто не открыл. Я не обязана сидеть и ждать, когда она соизволит появиться и объяснить происходящее, мне работать нужно, а не держать в приемной адвоката, который мог бы работать полноценно.

Последняя фраза могла бы прозвучать похвалой, однако Лена ее даже не услышала. Факт внезапного исчезновения Ирины Витальевны почему-то очень ее взволновал и озадачил.

— Может, когда водитель приезжал, она в магазин вышла? А мать ее открыть не может, она не ходит...

— Елена, мне некогда погружаться в это, — перебила мать. — Если у тебя нет ко мне вопросов, то, будь добра, займись работой, у тебя процесс завтра, если я правильно помню.

«Разумеется, ты правильно помнишь, — с горечью подумала Лена, плотно закрывая за собой дверь кабинета. — Ты помнишь все даты процессов, но тебе совершенно наплевать на то, что с человеком, может быть, что-то случилось».

Она решила, что непременно сегодня после работы поедет к Ирине сама и убедится, что с ней все в порядке.

Ехать никуда не пришлось. Едва Лена, закрыв офис и отдав ключи охраннику, вышла на улицу и направилась к машине, как в сумке зазвонил мобильный. Это оказался Паровозников, и по его напряженному тону она поняла, что разговор предстоит не из приятных.

— Слушай, подруга, а ты сейчас где?

— С работы вышла, собираюсь тут в одно место доехать. А что?

— Мне бы с тобой пересечься.

— Срочно?

— Лучше бы вчера, — вздохнул Андрей.

— Да что стряслось-то?

— Я тут на адресе... короче, телефон твой обнаружил в записной книжке, хотел пару моментов выяснить.

— Погоди... я ничего не понимаю. На каком адресе, в какой книжке?

Паровозников назвал адрес, и у Лены все похолодело внутри — это было именно то место, куда она только что собиралась. Квартира Ирины Витальевны.

— Что там случилось? — испуганно спросила Лена, боясь услышать ответ — раз там работает опергруппа, то явно ничего хорошего.

— Соседи вызвали. Больше двух недель в квартире никаких признаков жизни, хозяйку никто не видел, телефон не отвечает, а вчера какие-то странные звуки раздавались — будто мебель разбирают. Участковый пришел сегодня — в двери свежий замок, а соседка снизу жалуется, что вода с потолка льется. Ну, вызвали спецов, двери вскрыли, а там разгром. И вторая хозяйка пропала, а вот это как раз странно — говорят, она лежащая больная, — объяснил Андрей. — Нас вызвали на кражу, но тут, чувствую, что-то другое.

— Черт... — пробормотала Лена. — Ну, я так и знала... Короче, Андрей, это квартира той самой женщины... помнишь, я про экстрасенса рассказывала? Ну, так это Ирина и есть, секретарь маменьки моей. Бывший секретарь — уволила ее мама аккуратно сегодня за прогулы, ее как раз больше двух недель на работе нет. Я собиралась сейчас к ней поехать...

— Вот и подъезжай, может быть, сможешь чем-нибудь.

— Хорошо, постараюсь побыстрее.

До дома Ирины Крошина добралась только к девяти вечера. Опергруппа уже почти закончила осмотр, Паровозников, облокотившись на стол, подписывал какие-то бумаги и передавал их молодому мужчине в полицейской форме, эксперт собирал свой чемоданчик. Квартира являла собой удручающее зрелище. В свой первый визит сюда Лена отметила убогость обстановки, но тогда вещи, стоявшие в своих углах, все же не произвели на нее

такого ужасного впечатления. Сейчас же, сдвинутые с привычных мест, перевернутые, переломанные, они словно кричали о несчастье, которое явно произошло в этой квартире.

— А, Ленка, проходи, — обернулся Андрей на голос остановившего Лену полицейского. — Пропусти, это ко мне, адвокат Крошина.

— Здорово, Ленка, — приветствовал ее и эксперт, с которым Лена неоднократно сталкивалась во время работы в прокуратуре.

— Привет-привет, — почти машинально пробормотала она, озираясь по сторонам. — И что — никаких следов?

— Ну, со взломом непонятно — замки-то новые врезаны, не поймешь теперь, — сказал эксперт. — Но впечатление у меня такое, будто тут давно никто не жил. Кусок хлеба в хлебнице скоро ногами обзаведется — такой слой плесени, в холодильнике совершенно скисшее молоко, в кастрюле — какой-то бульон зацвел. Пыль на подоконниках, на цветах — нет, у нормальных хозяек так не бывает.

— Не бывает, — повторила Лена, глядя на календарь, укрепленный на стенке холодильника. — Хозяйка этой квартиры очень педантичный человек, вряд ли она стерпела бы пыль и плесень. А что соседи говорят?

Паровозников только рукой махнул:

— Да никакого толка от них, спасибо вообще, что заметили пропажу соседки.

Тут в прихожей раздался какой-то шум и звук борьбы, сопровождаемый громким женским визгом, и Андрей, оборвав себя на полуслове, ринулся туда, еле обогнув стоящую в дверном проеме Лену. Через минуту он вволок в кухню разгневанную женщину лет шестидесяти в пестрых трикотажных брюках и свободной ярко-желтой майке. Женщина упиралась и вопила:

— Жулье! Как вы посмели двери взломать?!

— А вот вам сейчас участковый все объяснит, — довольно бесцеремонно усадив женщину на табуретку, сказал Андрей. — И в другой раз подумайте, прежде чем кидаться на сотрудника полиции, за это можно и пятнадцать суток схлопотать.

В прихожей виднелся полицейский, зажимавший ладонью поцарапанную щеку, и Лена вспомнила, что у нее в сумке есть йод в карандаше:

— Вот, возьмите, — порывшись в сумке, она нашла карандаш и протянула полицейскому. — Сейчас жарко, может инфицироваться.

Парень поблагодарил и ушел в ванную.

Участковый попросил документы у незваной гостьи, и она, недовольно насупившись, полезла в сумку. Перелистав ее паспорт, участковый поинтересовался:

— А на каком основании вы, гражданка Рябцова, пытались в квартиру войти? Вы прописаны совершенно в другом месте.

— Прописана в другом, а квартира моя. Я ее купила, — заявила женщина.

— И документы купли-продажи имеются? — вклинился Андрей, и она, повернувшись к оперативнику, с вызовом сказала:

— А то как же! Но с собой, понятно, нету — не таскать же их в сумке!

— Погодите, — вмещалась Лена. — Когда была оформлена сделка?

— Так третьего дня я документы из регистрационной палаты забрала, а сделку оформили месяц назад.

— А куда жильцы из этой квартиры подевались? — видимо, с надеждой на то, что сейчас все выяснится и дело возбуждено не будет, спросил Паровозников.

— А я-то почему знаю? Со мной сделка была только на куплю-продажу, я деньги отдала, хозяин взял — и все.

— Хозяин? — удивилась Лена. — Но здесь не было никакого хозяина, — она перевела взгляд на участкового, и тот подтвердил:

— Никаких мужчин. Проживали две женщины, это верно, но мужчин не было, и соседи тоже так говорят.

— Да я-то при чем тут?! — взвилась женщина. — Я купила, деньги отдала, документы оформлены, все по закону — какое мне дело, кто тут хозяин, а кто нет? Документы у него были, никто никаких вопросов не задал — квартира моя! И замки мне вчера тут поменяли, а что он скарб этот не вывез — так мы и договаривались, что оставит, я хотела под сдачу, думала: что-то подреставрирую, чтоб не тратиться на мебель-то, все одно ведь — изломают квартиранты.

— Погодите, — остановила словесный поток Крошина. — Давайте по порядку. Вы заключили сделку с женщиной — так? Фамилию, имя, отчество назовете?

— Да не помню я! — огрызнулась женщина. — В документах все написано, а мне к чему наизусть учить? Я его первый и последний раз видела!

— Тогда вам придется проехать с нами, взять документы и проехать в прокуратуру для допроса, — заявил Паровозников. — К следователю Крашенинникову.

— Чего-о-о? — протянула женщина. — Это с какой такой радости я вам документы буду предъявлять на собственную квартиру, да еще и по допросам каким-то раскатывать? Я что — убила кого? Все по закону — дачу продала, квартиру купила! Имею право!

— Это никто не оспаривает. Но проблема в том, что никакой мужчина не являлся хозяином этой квартиры. А женщины, жившие здесь, пропали. Улавливаете мысль? — спросил Андрей, чем разозлил собеседницу еще сильнее:

— Да вы что?! Издеваетесь?! Это что же вы хотите сказать — что я каких-то теток прибила и квартирой завладела?! Да я эту дачу на свои кровные покупала и продала — ухоженную, с домиком, с деревьями фруктовыми! И все деньги до копейки в квартиру эту вложила, чтоб на старости лет какая-то помощь была! А вы мне тут...

— Гражданка Рябцова, вы бы успокоились и тон чуть пониже взяли, — вполне миролюбиво попросил Паровозников. — Я же вас ни в чем не обвинил, я попросил только документы о сделке нам предъявить. Я вполне допускаю, что вы говорите правду и квартиру эту купили на честные деньги, но это же не отменяет того факта, что и вы могли стать жертвой мошенников. Поэтому, чтобы не разводить тут балаган и демагогию, давайте шустренько к вам проедем и бумажки все посмотрим. А если что — вот и адвокат у нас при себе имеется, Елена Денисовна — но это так, на всякий случай.

— Адвокат?! Зачем мне адвокат?! — еще громче завопила Рябцова.

— Как вас зовут? — обратилась к ней Лена, стараясь переключить ее внимание.

— Оксана Михайловна.

— Так вот, Оксана Михайловна, вас никто ни в чем не обвиняет, это действительно так. Но в свете имеющихся данных сотрудникам необходимо уточнить любые моменты, касающиеся квартиры и ее жильцов, понимаете? — успокаивающим тоном продолжила Лена. — И вы можете нам в этом помочь. Поймите, исчезли две женщины, мать и дочь, мать тяжело больна. И тут выясняется, что квартира продана. Разумеется, вы ни при чем, но мы должны понять, кто и при каких обстоятельствах продал эту квартиру, не так ли?

Рябцова закивала, и в глазах ее мелькнул ужас — похоже, до нее только теперь дошел

смысл слов, что говорил сперва Андрей, а затем Лена.

— Ты на машине? — негромко спросил Паровозников, и Лена кивнула:

— Да.

— Ну, так поехали, чего ждать-то.

Он отдал какие-то распоряжения лейтенанту Левченко и жестом пригласил Рябцову к выходу. Заметно струсив, Оксана Михайловна присмирела и проследовала за Андреем. Лена, попрощавшись с участковым и экспертом, вышла из квартиры последней.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Стихи Ольги Пряниковой.